

ВОСТОЧНЫЙ СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080008439-9

«БУКЕТ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ЦВЕТНИКОВ ПРЕУСПЕЯНИЯ»: ДВОРЦОВАЯ ЧЕЛЯДЬ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

© 2020

Е.Ю. ВАНИНА ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7992-3013; eug.vanina@gmail.com

Резюме: Приобретающее все большую актуальность в современной исторической науке исследование широкого круга тем, связанных с функциями и статусом домашней прислуги, позволяет увидеть на ограниченном пространстве дома срез социально-экономических, этнокультурных и иных отношений в изучаемом обществе. Домохозяйство, в котором взаимодействуют хозяева и слуги, является мини-социумом, в котором могут сосуществовать различные виды иерархий (социальные, профессиональные, основанные на понятии ритуальной чистоты / нечистоты, возрастные, гендерные, даже этнические и расовые). Опираясь на данные знаменитого трактата Абу-л Фазла Аллами «Установления Акбара» и свидетельства европейских путешественников, статья анализирует номенклатуру занятий и положение дворцовой прислуги в империи Великих Моголов. Падишахов и их семьи обслуживали тысячи мужчин и женщин, принадлежавших к разным кастам, профессиям, этносам, странам и территориям, конфессиям (последнее интересовало нанимателей меньше всего); среди них были как вольнонаемные, так и рабы (пленники, купленные или рожденные в рабстве). При этом выявить различия между свободными людьми и рабами в источниках нелегко: и те, и другие получали жалованье и при определенных обстоятельствах могли переходить из одного статуса в другой. У определенной части могольской элиты существовало представление о «порочности» института рабства, что приводило к замене обозначений рабства эвфемизмами. Вся дворцовая челядь – свободные и невольники – обеспечивали роскошь и величие империи, функционирование ее военно-административного аппарата, жизнедеятельность и воспроизводство правящей семьи – как во дворце, так и во время нескончаемых перемещений Моголов по подвластным территориям. В системе, основную несущую конструкцию которой составлял сам падишах, дворцовое хозяйство и правительственные структуры были неразделимы – вся империя виделась Абу-л Фазлу дворцовым хозяйством. Автор приходит к выводу, что с этой точки зрения разница между высокопоставленным эмиром и простым слугой была чисто количественной, поскольку оба считались слугами падишаха, объединенными верностью монарху.

Ключевые слова: Могольская империя, Акбар, Джахангир, Абу-л Фазл, раджпуты, средневековье, слуги, рабство, наем, жалованье, статус, иерархия, каста

Для цитирования: Ванина Е.Ю. «Букет из четырех цветников преуспевания»: Дворцовая челядь в эпоху Великих Моголов. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 137–150. DOI: 10.31857/S086919080008439-9

Благодарность. Статья выполнена как часть проекта «Под небом Южной Азии. Слуга и хозяин: региональная специфика подчинения и доминирования в контексте социокультурной гетерогенности» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (объединенный проект «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России»).

“A BOUQUET FROM FOUR FLOWER GARDENS OF PROSPERITY”: PALACE SERVANTS OF THE GREAT MUGHALS

© 2020

Eugenia Yu. VANINA ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7992-3013; eug.vanina@gmail.com

Abstract. *Research of a wide range of themes on various functions and social status of domestic servants is gaining momentum nowadays as it provides an opportunity to obtain a projection of a given society on a limited space of a household, a mini-socium, where various kinds of hierarchies (caste, professional, based on ritual purity / pollution, age, gender, ethnic, and racial) coexist. Utilizing the data from Abu-l Fazl's celebrated treatise “Ain-i Akbari” and European travelogues, the paper analyzes the nomenclature of occupations and position of palace servants in the Mughal empire. The emperors were served by thousands of men and women of various castes, professions, ethnic groups, countries, and regions as well as religions (the latter being of no matter for their employees); they included both free people, and slaves (war prisoners, bought or born in slavery). It was not an easy task to distinguish between free servants and slaves: both groups were salaried employees and under certain circumstances could change their statuses. A part of the Mughal elite had an understanding of slavery as a “vicious” practice, replacing the terms of slavery with euphemisms. All palace servants provided for the grandeur and splendor of the empire and functioning of its military-administrative apparatus, life and reproduction of the ruling family, both at home and during the Mughals' endless circulations over their domains. In the system where the Padishah was a pivot, royal household and governmental structures were inseparable. The difference between an Amir and a groom was quantitative, as both were imperial servants, unified by loyalty to the monarch.*

Keywords: *Mughal empire, Akbar, Jahangir, Rajputs, medieval society, servants, slavery, employment, wages, status, hierarchy, caste*

For citation: Vanina E.Yu. “A Bouquet from Four Flower Gardens of Prosperity”: Palace Servants of the Great Mughals. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 137–150. DOI: 10.31857/S086919080008439-9

Acknowledgment. The paper is part of the project ‘Under the Skies of South Asia. Servant and Master: regional specificities of submission and domination within the context of cultural heterogeneity’ which is a part of ‘Culturally complex societies: understanding and managing’, a Fundamental Research Program of the Presidium of Russian Academy of Sciences (Unified project ‘Socio-humanitarian aspects of sustainable development and facilitation of Russia's strategic breakthrough’).

Империя Великих Моголов, возникшая в 20-е гг. XVI в. и просуществовавшая реально до конца XVIII, а формально – до 1857 г.¹, представляла собой самое крупное государственное образование в Южной Азии доколониального периода и, в эпоху своего расцвета (до середины XVII в.), включала в себя части Афганистана, Бирмы и почти всю территорию современных Пакистана, Бангладеш и Индии (до р. Кришны на юге). Само название империи и правящей династии, не употреблявшееся в Индии, было дано европейцами: к слову «моголы»² они присоединили эпитет «Великие» (Great, Grande), когда воочию увидели великолепие могольского имперского быта. Особенно впечатляли их дворцы (в обеих столицах империи – Агре и Дели, летняя резиденция в Лахоре и др.); не

¹ После распада империи могольские падишахи формально продолжали править, получая пенсию сначала от маратхов, а затем от англичан. Постепенно их реальная власть сузилась до границ столицы – Дели. В 1857 г. Великое народное (Сипайское) восстание началось под лозунгом восстановления империи, и последний падишах, Бахадур-шах Зафар, был против воли наделен повстанцами всей полнотой власти. Взяв Дели штурмом, англичане пленили падишаха и, объявив о ликвидации империи, сослали в Бирму.

² Искаженное на индийский лад «монгол», указание на прямое родство правителей династии с чингизидами и тимуридами). Моголами в Индии называли представителей мусульманской военной аристократии.

меньшее восхищение вызывали усыпанные драгоценными камнями наряды падишахов, членов их семей, придворных, воинов и даже прислуги; роскошные приемы и многодневные пиры, императорские выезды в сопровождении сотен коней и слонов, украшенные золотом и самоцветами шатры, паланкины, упряжь...

Вся эта ежедневная демонстрация «азиатской роскоши», которую так страстно осуждали европейцы (стараясь при этом, по возможности, ей подражать), была необходимым элементом престижа и величия империи; на нее уходила значительная часть государственной казны. Так, в 1595 г. на содержание дворцового хозяйства было истрачено чуть менее 8 млн рупий [Abu-l Fazl Allami, 1977, I, p. 12], причем эта цифра не учитывала жалование слуг, получавших заработанную плату по военному ведомству. По подсчетам известного индийского медиевиста Ш. Мусви, на содержание тех, кто обслуживал падишаха и его семью во дворцах и во время путешествий, уходило до 22 % этой суммы [Moosvi, 1987, p. 294; Moosvi, 2003, p. 566].

История становления, расцвета и падения Могольской державы давно и подробно изучена поколениями ученых. Однако до сих пор исследователей интересовали, прежде всего, политическая история, административное устройство, военно-ленная система, фискальный аппарат, экономика (сельское хозяйство, ремесло, торговля), основные социальные группы, межконфессиональные отношения. Лишь недавно внимание ученых привлекли культура (придворная и народная), мировоззрение, общественная мысль, этические и эстетические ценности, история повседневности. Разумеется, абсолютное большинство работ на могольскую тему посвящено тем или иным аспектам жизни элиты, что объясняется характером доступных источников – хроник и административных документов. Значительная часть литературных текстов представляла жизнь и деяния падишахов, членов их семей, а также «столпов империи» – придворных, служилой знати, крупных чиновников и приближенных к престолу «людей пера» – религиозных деятелей, поэтов и т.д.

Благодаря указанным источникам, а также запискам европейских путешественников можно более или менее адекватно реконструировать придворный быт Могольского двора. Однако при этом фактически «невидимками» остаются те, кто обеспечивал всю эту имперскую роскошь, кто кормил, одевал, нянчил, транспортировал, освещал, охранял, развлекал и всяким иным образом обслуживал «прибежище мира» (падишаха), его семью и приближенных, кто поддерживал в должном виде дворцы, шатры, паланкины, ковры, ездовых и выючных животных, драгоценную утварь и все, что составляло быт могольских правителей. Речь идет о дворцовой прислуге.

Домашние слуги как социальная группа и особая категория трудящегося населения заинтересовала историков, в том числе медиевистов, сравнительно недавно. Первым к ним обратилось исследовательское направление, известное как «Изучение труда» (Labour Studies). Изначально сконцентрированное на широкой проблематике наемного промышленного и, в меньшей степени, сельского труда (эту проблематику советская наука обозначала как «труд и капитал»), оно во второй половине XX в. отозвалось на призыв известных британских историков Э.П. Томпсона и Э. Хобсбаума изучать рабочий класс и, шире, трудовое население в контексте общественных структур и культурных практик, что означало усиление внимания к конкретным жизням и реальной работе тружеников, в том числе и тех, кто не участвовал в профсоюзах и классовых битвах [Meerkerk van Nederveen, Neusinger and Hoerder, 2015, p. 2]. Так в сферу интересов историков попали домашние слуги, которые представляли многочисленный отряд трудящегося населения: по подсчетам ученых, в европейских странах, например, в разные эпохи домашняя прислуга составляла от 10 до 20 % всех работающих [Fauve-Chamoux, 2004, p. 2].

К изучению домашнего обслуживания ученых привлек целый ряд обстоятельств, открывшихся при более пристальном изучении темы. Во-первых, распространенность этого вида труда во всех странах, во все исторические эпохи (кроме, быть может, первобыт-

ности), позволила увидеть в нем один из элементов подлинно всеобщей истории, выявляющий как определенные закономерности социально-экономического развития, так и специфику отдельных цивилизаций и эпох. Оказалось, что прогресс технологий, социумов и идей был невозможен без тех, кто обеспечивал семьи пищей, средствами передвижения и всем необходимым, ухаживал за детьми и больными, поддерживал чистоту и комфорт жилищ. Во-вторых, взаимодействуя напрямую на ограниченном пространстве домовладения, хозяева и слуги вступали в многообразные экономические, социально-иерархические, гендерные, этнокультурные, в ряде случаев – политические и религиозные отношения, которые представлялись взгляду историка порой более четко и информативно, чем когда предметом изучения были классы, касты и иные крупные сообщества: ученый получил возможность заглянуть в изучаемый социум как в каплю воды через микроскоп. И в-третьих, проблематика домашнего обслуживания оказалась фокальной точкой, где сходились многие другие аспекты изучаемого общества: история повседневности, уровень развития техники, иерархия и гетерархия, гендерные взаимоотношения, рабство, зависимость, рынок рабочей силы, колониализм и расизм (там, где хозяева представляли метрополию, а слуги – туземцев), миграции и циркуляции рабочей силы и т.д. Результатом труда ученых из разных стран по изучению данной проблематики стала серия научных конференций и публикация целого ряда высококачественных работ – индивидуальных и коллективных (см., например, помимо процитированных выше: [Anderson, 2000; Hartman, 2004; Cox, 2006; Ray, Qayum, 2009; Parreñas, 2015]).

Для медиевистов изучение домашней прислуги оказалось продуктивным, поскольку в какой-то, пусть небольшой, мере смогло решить извечную проблему дефицита в доступных источниках информации о жизни подчиненных групп общества. Авторы средневековых текстов, в большинстве своем представители элиты, обращали несколько больше внимания на прислугу, с которой постоянно общались в пространстве своих домов, чем на земледельцев, ремесленников или торговцев, живших словно на другой планете. Правда, здесь же исследователей поджидает немало ловушек, поскольку во многих средневековых обществах термин со значением «слуга» мог определять не только лакея или кучера, но и чиновника, военного или даже придворного, а «раб» далеко не всегда относился к полностью зависимому работнику [Ашрафян, 1977, с. 166]. Тем интереснее была попытка проникнуть в малоисследованный мир великой империи – не падишахов, их придворных, военных ленников, «людей пера» и торгово-финансовых воротил, а тех, кто обслуживал могольские дворцы и поддерживал величие империи.

Важнейшим источником по проблематике дворцового хозяйства и слуг Моголов остается самый знаменитый и информативный из всех известных текстов эпохи – трактат «Установления Акбара» (*Ā'in-i Akbarī*, 1598); автор, Абу-л Фазл Аллами, личный друг, биограф и министр императора Акбара (1556–1605 гг. пр.), включил его в свое главное сочинение – хронику «Книга об Акбаре» (*Akbar-nāma*). Трактат посвящен управлению государством, каким оно должно было быть, по мнению высокообразованного автора, вольнодумца и одновременно искреннего сторонника превращения рыхлой, созданной по образцу Золотой Орды империи в сильное централизованное государство [Ванина, 1993, с. 18–54]. Поэтому текст совмещает информацию о реальном положении дел в Могольской державе, включая статистические данные по земельной ренте и налоговым поступлениям, рыночным ценам на основные товары и т. д., с размышлениями автора об идеальном государственном устройстве.

Первая часть «Установлений Акбара» посвящена дворцовому хозяйству (*manzil-i ābādī*, букв. «место проживания», в классическом английском переводе Г. Блохманна – Imperial Household). В том, что трактат об управлении государством начинается именно с дворцового хозяйства, есть логика. Согласно представлениям Абу-л Фазла, падишах является основной несущей конструкцией имперского мироустройства, он управляет

всем, что находится в пределах его державы (по сути, он и есть держава), и с этой точки зрения между дворцовой кухней и министерством нет принципиальной разницы. Используя популярные в средневековом мире представления, согласно которым всякое живое тело может существовать только при равновесии четырех базовых элементов (огня, воздуха, воды и земли), Абу-л Фазл распространил этот принцип на устройство императорского двора и приравнял к первому из них высшую военно-феодалную знать империи (эмиров-мусульман и раджпутских раджей), ко второму – налоговым чиновников и служащих финансового ведомства, к третьему – придворных интеллектуалов (философов, ученых, поэтов, астрологов, врачей, судей и т. д.). К четвертому же элементу, земле, автор отнес дворцовых слуг: «свободные от лжи (*ghash*) и злобы (*ghal*)»³, они подобны эликсиру жизни; в противном случае они грязь на лице [наших] устремлений. Камердинер (*khavāss*)⁴, телохранитель (*qūrcī*)⁵, *шарбатдар*⁶, *абдар*⁷, кастилян⁸ относятся к этому сообществу. В благоприятные времена и при счастливых звездах они подобны букету из четырех цветников преуспения (*guldasta-i cār caman-i iqbāl*)⁹ [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 5; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 5–7]. В этой схеме интересно отсутствие иерархии: если для благополучия физического тела необходимо равновесие всех четырех элементов, то превращение императорского двора в «цветник преуспения» в равной степени требует как верных эмиров, так и добродетельных слуг.

ДВОРЦОВАЯ ПРИСЛУГА: ИЗ НОМЕНКЛАТУРЫ ЗАНЯТИЙ

Миссионер-иезуит Жеронимо Хавьер, посетивший в 1610–1611 гг. двор императора Джахангира, сына Акбара, оценил общее число дворцовых слуг в сорок тысяч человек [Flores, 2015, p. 97], но трудно определить, насколько точна эта цифра. Другие источники, даже такие информативные, как «Установления Акбара», не позволяют хотя бы приблизительно подсчитать количество тех, кто обслуживал могольские резиденции. Тем более что, как упоминалось выше, «слугами императора» считались также эмиры, чиновники и «люди пера». В данной статье меня интересует только дворцовая прислуга, поэтому я не считаю необходимым учитывать весьма многочисленный отряд работников дворцовых мастерских (*kārkhāna*), вырабатывавших для собственного потребления падишахской семьи, а также для награждения должностных лиц и подарков чужеземным правителям и посланникам, разнообразные предметы роскоши [Ашрафян, 1977, с. 118–121; Ванина, 1991, с. 115–125]. Далее речь пойдет о том, кто непосредственно обслуживал могольского падишаха и его семью.

³ В классическом английском переводе Г. Блохманна эти слова почему-то фигурируют как *chaff* (отбросы) и *dross* (шлак). Для моего исследования равно значимы и фиксируемые источником факты, и термины, эпитеты и иные средства выражения, используемые для их передачи. Именно поэтому в цитатах из «Установлений Акбара» я указываю страницы как оригинала в издании Азиатского общества Калькутты, так и перевода Г. Блохманна.

⁴ *Khavāss* – форма множественного числа от *khās*, «особый», «привилегированный», превратилась в обозначение наиболее приближенного и доверенного слуги, обслуживавшего лично господина. У Г. Блохманна – *table servant*.

⁵ Тюркское слово, означающее «носящий оружие». У Г. Блохманна – *armour bearer*. Ш. Мусви перевела как *house guard* [Moosvi, 2003, p. 566]. В империи Сефевидов, откуда Моголы немало заимствовали, *хурчи* – телохранитель падишаха.

⁶ *Sharbatdār* – человек, приготавливающий шербет, любимый напиток могольской знати.

⁷ *Ābdār* – слуга, подававший господину воду.

⁸ В оригинале *toshakcī* – слуга, отвечавший за одежду, матрасы, скатерти и другие виды материй из шахского обихода.

⁹ «Четыре цветника» (*cār caman*) – распространенная в персоязычной поэзии метафора мира как цветущего сада. «Четыре» обозначает стороны света; для Абу-л Фазла, возможно, это число ассоциируется также с первоэлементами.

Гарем

Гарем императора в пространственном отношении представлял собой женские покои дворца (*zanāna*), обычно размещенные в самом центре дворцового комплекса и отделенные от его основной части; во время путешествий для дам, сопровождавших могольско-го владыку, ставили особые шатры, окруженные рвом. В гареме проживали, помимо жен и наложниц императора, его незамужние сестры и дочери, родная мать падишаха и вдовы его покойного отца, а также иные родственницы. На страже гарема днем и ночью находились две линии охраны: одну составляли вооруженные мечами и луками кашмирки, а также женщины, которых европейские путешественники называли «татарками»: видимо, представительницы народов Центральной Азии, где женщины не носили паранджи и ездили верхом. Великолепно наряженная женская охрана (*urdū begī*) сопровождала дам из гарема во время выезда [Bernier, 1916, p. 373–373].

Вторую линию обороны, расположенную на известном расстоянии от первой, составляли доверенные воины-гвардейцы, в основном из раджпутов. Привратниками у входа в гарем служили вооруженные евнухи: они докладывали о посетителях (чаще всего, посетительницах) и запрашивали у старшего евнуха разрешения на их пропуск. В Могольской империи функции евнухов были разнообразны: от чиновников различных, иногда весьма высоких, рангов до гаремной стражи и лакеев, обслуживавших падишаха и принцев [Shadad Bano, 2008]. В дворцовом хозяйстве им отводилась роль посредников между «мужским» и «женским» мирами: например, когда падишах или принц обедал в гареме, евнухи принимали блюда от кухонных слуг, не имевших права входить во внутренние покои, и ставили их на *дастархан*¹⁰ [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 55; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 60–61].

Абу-л Фазл зафиксировал, что в гареме его повелителя находилось более пяти тысяч женщин «и каждой отведено особое помещение» [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 42; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 46]. Очевидно, что это колоссальное число – современные исследователи склонны воспринимать его как «фигуру речи»¹¹ – [Mukhia, 2004, p. 113–114], включало, прежде всего, многочисленных служанок – ими распоряжались специально назначенные надсмотрщицы (*darogha*). У каждой из высокопоставленных дам был собственный штат прислуги. Он включал кормилиц, нянек и мамок, горничных, кастелянш, цветочниц, портних, танцовщиц, музыкантш, чтиц, евнухов, а также девушек, называвшихся *сахели* (*sahelī*, «подруга»). Ш. Мусви считает их «рабынями» [Moosvi, 2003, p. 567–568]; Р. Лал относит им роль камеристок и нянек [Lal, 2018, p. 97]. Возможно, что это заимствованное из хинди слово (весьма странное для обозначения рабыни!) обозначало прислужниц, наряжавших, украшавших и развлекавших госпожу, но не занимавшихся «грязной» работой: в Европе таких называли бы фрейлинами. Известно, что раджпутские княжны брали с собой в дом мужа таких «подружек» (*sahelī*, *sakhī*), девушек из небрахманских каст, часто небогатых раджпуток-бесприданниц или дочерей наиболее преданных радже воинов; иногда их приставляли к новобрачной уже во дворце супруга; именно они составляли «двор» княгини. Поскольку с 1567 г. Акбар, а за ним и остальные могольские падишахи и принцы стали вступать в матримониальные союзы с раджпутскими княжествами, вполне возможно, что практика эта перекочевала к могольскому двору, о чем и свидетельствует хиндиязычный термин. Оставаясь с госпожой на всю жизнь, *сахели*, видимо, были обречены на безбрачие; некоторые из них пополняли ряды

¹⁰ *Дастархан* – в обиходе жителей Среднего Востока и Моголов – ковер, раскладывавшийся на полу и застывавший скатертями; также невысокий (30–35 см) столик. В обоих случаях участники трапезы усаживались вокруг на подушках.

¹¹ Очевидно, что сохранившиеся в могольских резиденциях Дели и Агры женские покои не могли вместить такое количество обитательниц. Следует также иметь в виду, что ни Абу-л Фазл, ни кто-либо из хронистов, за исключением тетки Акбара, Гулбадан-бегам, никогда в гареме не бывал.

наложниц. В 1611 г. Нур-Джахан, всевластная супруга падишаха Джахангира, волевым решением выдала замуж за воинов и слуг всех дворцовых *saxeli* возрастом от 12 до 40 лет; тем, кто был старше, императрица позволила распоряжаться собой по собственной воле: либо покинуть гарем, либо остаться в нем [Lal, 2018, p. 107].

Никто из служащих гарема не мог по уважению и влиянию соперничать с кормилицами, называвшимися либо тюркским словом *анага* (*anaga*), либо персидским *dau(a)* (*dāīa*). Необходимость кормилиц диктовалась не только тем фактом, что грудное кормление считалось, как и в Европе, неподходящим для аристократки. В могольском гареме существовала жестокая практика разлучать новорожденного принца с матерью и передавать на воспитание какой-либо другой императорской жене. Полагали, что это защитит царственного отпрыска и его мать от покушений со стороны соперницы, чей сын, в свою очередь, также передавался «сестре по гарему» и в какой-то мере оказывался заложником. В подобных обстоятельствах дитя не могло выжить без кормилицы, к подбору которой подходили исключительно серьезно и ответственно. Поскольку, согласно мусульманской традиции, с грудным молоком ребенку передавались моральные качества, на роль кормилиц подбирали женщин, известных как средоточие добродетелей и «купол чистоты»; часто это были жены наиболее доверенных слуг и воинов. Обычно у принца-наследника была не одна кормилица, а несколько: например, у Акбара их насчитывалось целых десять [Lal, 2005, p. 191–193]. О том, платили ли им жалованье, в источниках сведений нет, но, несомненно, став кормилицей принца или принцессы, женщина получала богатые подарки, а главное – влияние на своего подопечного и высокое положение при дворе.

Когда сына или дочь падишаха отнимали от груди, кормилицы часто оставались при них нянями и воспитательницами. Эмоциональная связь между отпрысками могольской династии и их кормилицами была исключительно крепкой. На протяжении всей жизни Акбар лишь дважды обривал голову и сбрасывал усы в знак траура: в первый раз по своей главной кормилице Джиджи-*анага*, второй раз по горячо любимой матери. Погребальные носилки Джиджи-*анага* император нес лично [Shivram, 2014, p. 41–50]. Так же поступил с останками своей кормилицы его сын Джахангир; в мемуарах он особо отметил, что она «была мне как мать или даже лучше, чем моя добрая мать; на ее коленях я рос с самого младенчества... Я поднял ноги ее себе на плечи и так нес тело часть пути до могилы. Горе и скорбь мои были таковы, что несколько дней я отказывался от еды и не менял одежду» [*The Tuzuk-i Jahangiri*... 1909, p. 85]. А принцесса Зебунниса (1638–1702), дочь падишаха Аурангзеба, построила своей кормилице великолепную усыпальницу [Krieger-Krynicky, 2005, p. 2].

Многие кормилицы и няни активно участвовали в политике, когда их питомцы восходили на трон. Особенно ярким примером является няня Акбара Махам-*анага*: вместе с Джиджи-*анага* и ее супругом она вошла в образованный при 13-летнем императоре Акбаре регентский совет и умело занималась политическими интригами. Миниатюры того времени изображают ее сидящей рядом с падишахом во время дворцовых приемов – больше такого никто не мог себе позволить. Юный Акбар высоко ценил ее советы, но политической карьеры властной дамы пришел конец, когда ее сын поднял мятеж¹².

¹² Молочные братья падишахов и принцев (*koka*) всегда занимали высокие должности при дворе, не уступая во влиянии даже братьям императора. Сын Махам-*анага*, Адхам-хан, был крупным военачальником; несмотря на многие злоупотребления, Акбар миловал его, но лишь до того момента, когда Адхам-хан из зависти зарубил саблей супруга Джиджи-*анага*, назначенного на должность министра. После этого убийца попытался ворваться в личные покои императора, однако Акбар вступил с ним в бой, ранил, а потом приказал сбросить с дворцовой лестницы. Падишах лично сообщил Махам-*анага* о преступлении и наказании ее сына; женщина нашла в себе силы одобрить поведение своего питомца, но, заболев от потрясения, вскоре умерла (см. подробнее: [Lal, 2005, p. 193–200]).

Каждая из обитательниц гарема получала из казны определенное содержание, согласно присвоенному ей рангу: «великие госпожи» (мать, жены, сестры падишаха) имели от 1028 до 1610 рупий в месяц, не считая многочисленных дорогих подарков. Служанки же делились на две категории: к сожалению, из текста неясно, по каким критериям; ежемесячное жалование первой составляло от 20 до 50 рупий, второй – от 2 до 40. Управляла гаремом обычно мать или какая-либо другая родственница императора; женщины, отвечавшие за работу служанок и расходование средств, имели ранги наподобие военных и получали жалование по армейскому ведомству [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 42; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 46].

Кухня

Этим важнейшим «департаментом» дворцового хозяйства руководил специально назначавшийся падишахом главный провиантмейстер (*mīr baqāwal*); ему подчинялись писцы, учетчики, заведующие складами, «повара из всех стран», иные кухонные работники и специальные «отведыватели», которые пробовали каждое подаваемое к падишахскому столу блюдо: после этой процедуры кушанье укладывали на золотую, серебряную или фарфоровую посуду, оборачивали особой красной тканью, и, запечатанное личной печатью главного провиантмейстера, оно под конвоем гвардейцев доставлялось к шахскому *дастархану* [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 53; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 60–61].

Согласно биографу, Акбар садился за трапезу всего лишь раз в день, но стол его был весьма обилен. Падишах и члены его семьи ели в личных комнатах или в гареме, где и когда хотели: никаких фиксированных часов приема пищи не существовало, поэтому поварам надлежало всегда быть наготове и, как только отдавался приказ, «через час подать сотню блюд» [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 53; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 59]. По данным второй половины XVII в., на содержание дворцовой кухни ежедневно расходовалась тысяча рупий – сумма по тем временам колоссальная [Manucci, 1907–1908, p. 332]. Стол императора был «весьма обилен, – свидетельствовал миссионер Антониу де Монсеррате, прибывший ко двору Акбара в 1582 г., – и состоит обычно из более сорока перемен, подаваемых на больших блюдах... Юноши подносят их к дверям покоя и передают евнухам, а те – служанкам. Он обычно ест один, за исключением случаев, когда устраивает публичные банкеты» [Monserate, 1922, p. 199]. К сожалению, Абу-л Фазл предпочел в этом разделе дать подробные рецепты наиболее популярных блюд, но не сообщить почти ничего о тех, кто их готовил и подавал: известно только, что все они получали жалование как военные, и «рядовой» зарабатывал от 100 до 400 *дамов* в месяц¹³.

Транспорт

Могольские падишахи вели образ жизни, который Р. Лал удачно назвала «перипатетическим» [Lal, 2005, p. 103]. Они возглавляли завоевательные походы и карательные экспедиции против мятежников, паломничали к святым местам, выезжали на охоту и просто посещали различные города и регионы для демонстрации собственной власти и сюзеренитета над всеми территориями империи. По подсчетам американского индолога С. Блейка, Акбар из 49 лет своего царствования пропутешествовал, в общей сложности, 10 лет (20 %), его сын Джахангир (1605–1527) – 6 из 22 (27 %), внук Шах-Джахан (1627–1658) – 14 из 31 (45 %); правнук Аурангзеб (1659–1707) – 34 из 49 (69 %) [Blake, 1997, p. 297]. Понятно, что такое положение вещей превращало транспортные службы в важнейшее учреждение дворцового хозяйства.

Основным средством передвижения, а также боевым транспортом могольских падишахов были слоны; дамы из гарема путешествовали на слонихах. Каждому из животных

¹³ Дам (*dām*) – могольская медная монета, 40 *дамов* составляли одну серебряную монету – рупию.

приписывался целый отряд слуг: главный погонщик-*махават* / *махават* (*mahāvat*), управлявший слоном спереди; второй погонщик-*бхоу* (*bhoṭ*)¹⁴, сидевший сзади и особенно необходимый во время битвы (он должен был оберегать слона от ударов сзади), а также особый слуга – *метх* (*meth*), кормивший слона и надевавший на него упряжь; их жалованье составляло 200–220 *дамов* в месяц для первого, 110 *дамов* в месяц для второго; третий же получал 4 *дама* в день. При этом каждому слону полагалось не по одному, а по двое-трое слуг любой из этих трех специальностей. Личных слонов Акбара обслуживали целые «бригады», притом что падишах нередко сам выступал в роли погонщика: после каждой поездки он раздавал обслуге богатые подарки, иногда величиной с месячное жалованье. Императорский слоновник возглавлял целый сонм должностных лиц, имевших военные чины: они рассчитывали рацион каждого животного, фиксировали расходы, вели обучение и лечением слонов, командовали слугами [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 134–135; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 132–134, 137–138].

Еще более впечатляющим было устройство императорских конюшен, руководимых главным конюшим – *атбеги* (*ātbegī*): эту должность занимал один из высших эмиров империи, что роднит Моголов с Валуа, Бурбонами и другими европейскими династиями, включая допетровскую Россию. Под его командой находился целый штат служащих – счетоводов (*mushrif*), ветеринаров (*baytar*), инспекторов (*dīdawar*), шорников и седельщиков (*akhtacī, zīndār*), инструкторов, обучавших лошадей различным аллюрам (*hādā*)¹⁵ – все они имели армейские чины. Штат включал также слуг низшего ранга – грумов (*sāis*, жалованье варьировалось от 100 до 170 *дамов*), водоносов (*ābkash*, 100 *дамов*) и кузнецов (*na'iband*, 160 *дамов*), слуг, отвечавших за попоны и подстилки (*farrāsh*)¹⁶, уборщиков (*khākrūb*, 65–130 *дамов*) и т.д. [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 143–144; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 145–147]. Аналогичной, хотя и не столь многочисленной, была обслуга мулов и верблюдов; и те, и другие перевозили поклажу, но на верблюдах также путешествовали слуги и гаремные служанки.

Важную роль в транспортном обеспечении могольского двора играли носильщики паланкинов – *кахары* (*kahār*): паланкины различных конструкций использовались дамами из гарема, пожилыми и больными членами падишахской семьи, а также для перевозок особо хрупкой и дорогой утвари. При дворе Акбара служило «несколько тысяч» носильщиков, их глава зарабатывал от 198 до 384 *дамов* в месяц; жалованье рядового работника составляло 120–160 [Abu-l Fazl Allami, 187, p. 1902; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 264].

«Королевская охота» и другие службы

Охота была любимым развлечением могольских императоров, проводивших в этой царственной забаве целые месяцы, совмещая ее с военно-политическим контролем над теми территориями, куда выезжали. Акбар предпочитал охотиться с дрессированными гепардами, а также с собаками (несмотря на все традиционное отвращение мусульман к этому животному); увлекался он также и соколиной охотой. Под началом Главного ловчего (*mīr shikār*) – как и в средневековой Европе, это была почетная должность, занимаемая одним из самых знатных и доверенных эмиров, – находились сотни егерей, выжлят-

¹⁴ В хинди это слово означает «носильщик» (паланкинов и грузов).

¹⁵ Хада – один из раджпутских кланов; его члены считались превосходными наездниками и потому служили в падишахских конюшнях.

¹⁶ Г. Блохманн почему-то не переводит *farrāsh*, а объясняет от себя как слугу, «который вытирает пыль с мебели» (*dusts the furniture*). В оригинале о *farrāsh* императорской конюшни сказано лишь, что он является «исключительной принадлежностью» (*khāṣṣī*) каждого подобного заведения. На самом деле название этой специальности происходит от *farsh* – «пол»; слуги данной профессии расстилали ковры и чистили их (во дворце Акбара было особое подразделение *farrāsh-khāna*, отвечавшее за ковры и палатки). Ясно, что «мебели» в конюшнях не было, а челядинец, о котором идет речь, отвечал за лошадиные попоны, подстилки и т.д.

ников, сокольничих, дрессировщиков гепардов (их жалованье в зависимости от ранга и выполняемой работы варьировалось от 100 до 300 *дамов* [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 204–208 ; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 297–305]) и прочих слуг, сопровождавших падишаха в охотничьих экспедициях и обустроивавших лагерь.

Помимо перечисленного выше персонала, могольский дворец обслуживали водоносы – *абдары* (*ābdār*), слуги, устанавливавшие шатры и расстилавшие ковры (*farrāsh*), факельщики (*mashālcī*), церемониймейстеры (*cobdār*), многие другие работники. Среди них упоминаются метельщики-уборщики: для них Абу-л Фазл использует обычное персидское *khākṛūb* «убирующий пыль», а затем поясняет, что «в Индии метельщиков называют *халалхор* (*halālkhōr*)»¹⁷. Его величество сделал знаменитым это название» [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 144; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 147]. Здесь автор, говоривший и писавший на фарси, хотя владевший и хинди, явно ошибается: в Северной Индии неприкасаемую касту уборщиков называли *бханги* (*bhaṅgī*), *чухра* (*cuhḍā*) и т.д.¹⁸, а слово *халалхор* явно персидское. Акбар, согласно своему биографу, «сделал знаменитым» (т. е. ввел в придворный оборот) это название, которое, как следует из текста, уже существовало. Оно возникло, быть может, как некий самовозвеличивающий эпитет, используемый уборщиками, прежде всего мусульманами, в противовес оскорбительному *ḥarāmkhōr* («тот, кто ест недозволенное», также «негодяй», «мерзавец») – одним из признаков принадлежности данного сообщества к неприкасаемым было употребление ими пищи, не дозволенной ни индусам, ни мусульманам. Акбара вообще отличала редкая для средневековья «политкорректность», о чем речь пойдет и ниже. Как бы то ни было, термин *халалхор* прижился; он фигурирует в записках европейских путешественников и сохранился по сей день для самообозначения уборщиков-мусульман [Lee, 2018].

ДВОРЦОВАЯ ПРИСЛУГА: СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС

О дворцовой прислуге Моголов Абу-л Фазл написал одновременно и много (гораздо больше, чем какой-либо другой известный текст той эпохи), и мало, не уделив внимания многим сторонам ее бытия, важным для современного исследователя. Так, он достаточно подробно сообщил о жалованье различных категорий слуг, но совершенно не обратил внимание, например, на их религиозную принадлежность – видимо, она не интересовала ни автора, ни венценосных работодателей. Если среди высокопоставленных эмиров и министров Акбара были как мусульмане, так и индусы, то нет никаких оснований сомневаться в том, что и в состав прислуги входили представители обеих конфессий (например, в списке имен дворцовых служанок, который привел в своих записках живший при дворе Аурангзеба итальянский врач Мануччи, фигурируют как индусские, так и мусульманские имена [Manucci, 1907, I, p. 337–338]). В ряде случаев для обозначения профессии Абу-л Фазл использовал названия индусских каст (например, *кахары* – носильщики паланкинов). Одни занятия в персидском тексте «Установлений» обозначаются словами из хинди (*махават*, *бхои*, *метх*, *кахар*), другие – персидскими же терминами, обозначающими не касту, а профессию. Ничего не сказано в источнике и о том, как и кем рекрутировалась прислуга. Лишь в разделе об императорской кухне сообщается, что главный провиантмейстер и писец составляли и скрепляли печатью, помимо приходо-расходных книг, ведомости по зарплате слуг; очевидно, наймом персонала занимались именно они. Далее следует замечание о том, что «вредящие» или «зловредные»

¹⁷ Букв. «тот, кто ест дозволенное»; встречается и толкование «тот, кто зарабатывает пищу дозволенным способом».

¹⁸ В настоящее время эти названия считаются пейоративами и официально не употребляются.

(*tabahkār*)¹⁹, грубияны (*harza āshnā*), пустомели (*yāvagoī*) и никому не известные (*nāshinās*) на службу не принимались; никто не мог быть зачислен без поручительства и залога (*bezāman*) или просто по знакомству (*bāshnāt*) [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 54; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 60]. Последнее, видимо, отражало не столько реальное положение вещей, сколько представление автора о надлежащем порядке.

Текст позволяет сделать вывод о том, что среди дворцовых слуг присутствовали как вольнонаемные, так и рабы. Рабство – исключительно домашнее, как и в европейских странах той эпохи – в Могольской Индии было широко распространено: рабами становились пленники, захваченные войсками во время карательных или завоевательных походов, несчастные, продававшие себя или проданные семьями во время массовых неурожаев и голодовок, преступники, «отданные головой» жертвам или их семьям, а также просто проданные в наказание, дети рабов, и, наконец, купленные у работорговцев (арабов, турок, европейцев) невольники. Среди последних были уроженцы тропической Африки; их в Индии называли «эфиопами» (*habshī*) [Campbell, 2008, p. 22–23], а также выходцы из совсем экзотических для Индии стран.

Известно, что у Хамиды-бану, матери Акбара, жил с семьей раб, «христианин-московит»²⁰. Рудолфо Аквавива, глава первой миссии иезуитов ко двору Акбара (1582 г.) перед отъездом попросил падишаха отпустить с ним этого раба, его жену и детей, «они находились в плену долгое время и много страдали, так что их теперь почти невозможно было отличить от сарацин, среди коих они жили». Акбар, несмотря на недовольство матери, выполнил просьбу иезуита, и «московит» отправился с Аквавивой в Гоа, где «с того времени стал жить как добрый христианин» (возможно, обращенный в католичество) [Du Jarric, 1926, p. 42–43]. Рабы-евнухи, как правило мальчики, были одним из основных товаров, поставлявшихся на общеиндийский рынок Бенгалией и официально составляли часть дани, которую данная провинция платила имперскому центру; падишах Джахангир отменил эту повинность, но, видимо, она продолжалась на протяжении всего могольского периода [Eaton, 2006, p. 11].

Абу-л Фазл заметил, что практику, когда «люди приобретают власть над теми, кто не относится к их сообществу, покупают их и продают, стремящиеся к знаниям считают порочной (*nākhūsh*)» [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 190; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 263]. В 1562 г. Акбар запретил обращать в рабство женщин и детей, захваченных воинами, а двадцать лет спустя он освободил всех рабов-пленников своего дворца. Согласно Абу-л Фазлу, император вообще не терпел слова «рабство» (*bandagī*) и полагал, что люди могут быть рабами одного лишь Аллаха. Поэтому он повелел всех дворцовых рабов официально называть «чела» (*celā*) – этот термин в хинди и других языках обозначает ученика, последователя какого-либо духовного наставника. Аналогичным образом, *kanīz*, *kanīzak* («рабыня») было заменено на *parastār* – «ученица, последовательница» [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 190; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 263, Moosvi, 2003, p. 567–568].

Недостаток информации не позволяет определить, получили ли невольники на самом деле свободу или дело ограничилось лишь изменением названия на более «политкорректное» – в последнем случае сама «политкорректность» свидетельствует о существовавшем у образованной элиты понимании «порочного» характера рабства. Европейские путешественники, посещавшие могольский двор после Акбара, называли «рабами» и «рабынями» всех слуг без разбора. На самом деле из доступных источников разницу между вольнонаемными слугами и невольниками выявить сложно. И те, и другие получали жалованье: согласно Абу-л Фазлу, дворцовым *чела* платили от 1 дама до 1 рупии в день

¹⁹ В переводе Блохманна – *bad characters*.

²⁰ Видимо, жертва одного из набегов крымских ханов на Русь. Захваченных в результате таких набегов невольников распродавали по всему Востоку на рынках, крупнейшим из которых была Кафа – Феодосия.

(последняя цифра превышает зарплату многих вольнонаемных слуг высокого ранга) [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 190; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 264]. И те, и другие подвергались штрафам, тюремному заключению и физическим наказаниям [Flores, 2015, p. 95]; для слуг, по свидетельству Мануччи, самой тяжелой карой было увольнение со службы и изгнание из дворца (видимо, речь шла о свободных) [Manucci, 1907, II, p. 494]. За наиболее тяжкие преступления вольнонаемного слугу могли продать в рабство: например, если погонщик подмешивал в пищу «особого» слона, т.е. служившего самому падишаху, наркотические средства (чтобы сделать слона более активным), из-за чего следовала смерть животного, продажа виновника в рабство была наиболее легким наказанием; за подобное преступление могли отрубить руку или казнить [Abu-l Fazl Allami, 1872, p. 139–140; Abu-l Fazl Allami, 1977, p. 139]. За менее тяжкие проступки слуги подвергались штрафам, иногда в размере месячного жалования (например, работники слоновника или конюшни, допустившие болезнь или травму подопечного животного).

И свободные слуги, и рабы могли заслужить любовь и доверие своих господ и даже стать высокопоставленными чиновниками. Так, Баязид Баят, один из старых слуг отца Акбара, падишаха Хумаюна, рассказал в мемуарах²¹ о своей карьере следующее: начав «отведывателем» на падишахской кухне, он побывал смотрителем государственных шахт, начальником монетного двора, затем снова «главным отведывателем», командиром дворцовой охраны, после чего был отпущен со службы из-за паралича руки и желания «стать дервишем» (1588), но через три года его назначили главным дворцовым казначеем; все эти высокие назначения сопровождалось земельными пожалованиями [Three Memoirs..., 2009, p. 175].

Сопоставив данные о заработной плате дворцовых слуг с указанными в «Установлениях Акбара» рыночными ценами на основные продукты питания и ткани, Ш. Мусви пришла к справедливому выводу о том, что в могольские времена даже наименее оплачиваемые дворцовые слуги могли купить на свое жалование необходимых товаров в два-три раза больше, чем их собратья по профессии в колониальные времена (вторая половина XIX в.) [Moosvi, 1987, p. 339–340; Moosvi, 2003, p. 576–578]. Приведенные Абу-л Фазлом данные о заработной плате дворцовых слуг выгодно контрастируют с информацией европейских путешественников о невероятной дешевизне наемного труда в Индии; очевидно, дворцовая челядь находилась в гораздо более благоприятных условиях, чем те, кто нанимался к частным лицам. Великие Моголы считали, подобно средневековым монархам других стран, что роскошь и блеск империи должны отражаться, помимо прочего, и на обилие слуг. Иностранцы нередко отмечали, что прислуживавшие могольским падишахам и сопровождавшие их на выездах «рабы» и «рабыни» были «очень хорошо одеты и украшены драгоценностями» [Manucci, 1907, II, 338] (см. также [Bernier, 1916, p. 372]). Господа явно заботились о них: так, для лечения истерии у одной из горничных пригласили итальянца-врача Мануччи [Manucci, 1907, II, p. 433]²².

В Северной Индии и по сей день сохраняется традиция, согласно которой одним из показателей добропорядочности и аристократического статуса семьи является покровительственное и доброжелательное отношение к прислуге; хозяева считают своим долгом обращаться с ней вежливо, оплачивать обучение детей и лечение, помогать со свадебными расходами; согласно общественному мнению, грубость и жестокость в отношении

²¹ Желая лучше узнать историю правления отца, Акбар попросил свою тетку Гулбадан-бегам и двух старых слуг падишаха Хумаюна написать мемуары. Одним из этих слуг являлся Джаухар, главной работой которого было подносить Хумаюну воду для ритуального омовения перед намазом и для питья, а вторым – Баязид Баят.

²² Мануччи предписал немедленно выдать больную замуж, и ее тут же отдали в жены одному из дворцовых «рабов»; пациентка вскоре забеременела, и состояние ее здоровья улучшилось до «превосходного». Тогда ее подруги-горничные, по совету доброго доктора, стали имитировать истерические припадки, и итальянец предписал им такое же лечение, заслужив благодарность служанок.

слуг скорее характеризуют нуворишей. Не исключено, что Моголы, равно как и подражавшие им в быту аристократы, придерживались указанной традиции. Биографы самого Абу-л Фазла подчеркивали, что он «никогда не ругал, не штрафовал (своих слуг. – Е.В.) за прогулы, не задерживал их жалованья. Он никогда не увольнял слуг, даже за плохую работу ...и каждый раз на Новый год дарил им все свое верхнее платье» [Shah Nawaz Khan, 1941, p. 126–127]. Приведенная цитата свидетельствует как о благожелательном отношении министра к слугам, так и о том, что, видимо, далеко не все в его окружении были столь щедры и терпимы.

При всей грандиозности дворцового хозяйства Моголов оно все же представляло собой ограниченное пространство, на котором взаимодействовали господа и челядь, однако приведенные в статье сведения позволяют увидеть в этих взаимоотношениях определенный срез всего североиндийского общества могольской эпохи. Падишахам прислуживали люди самых разных социальных статусов, от благородных раджпутов до неприкасаемых метельщиков. Между ними существовало сразу несколько иерархий: каст, профессий, статусов, вознаграждений (жалованье было тем меньше, чем более физической и «грязной» была работа) – характерно, что конфессиональная принадлежность была в данном случае наименее важной и в последнюю степень интересовала нанимателей. При этом статус царского слуги в дворцовой иерархии не был неизменным, и скромный кухонный работник мог при благоприятных обстоятельствах стать чиновником высокого ранга. Этому способствовало включение ряда деноминаций дворцовой прислуги в армию, что значительно повышало возможности карьерного роста. На пространстве дворцового хозяйства сосуществовали свободный наем и рабство, причем грань между ними не всегда была четкой, тем более что денежное жалованье получали и те, и другие. Военного ленника-аристократа с последним слугой дворцовой кухни или конюшни объединял сам принцип служения и верности монарху в обмен на его «милость» и «защиту», но эта типичная для любого средневекового общества практика уже подверглась определенной эрозии под растущим влиянием товарно-денежных отношений и рынка труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ашрафян К.З. *Феодализм в Индии: особенности и этапы развития*. М.: Восточная литература, 1977 [Ashrafyan K.Z. *Feudalism in India: Specificities and Stages of Development*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1977 (in Russian)].

Ванина Е.Ю. *Средневековое городское ремесло Индии XIII–XVIII в.* М.: Восточная литература, 1991 [Vanina E.Yu. *Medieval Urban Crafts of India: 13th to 18th Century*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1991 (in Russian)].

Ванина Е.Ю. *Идеи и общество в Индии XVI–XVIII в.* М.: Восточная литература, 1993 [Vanina E.Yu. *Ideas and Society in India, 16th to 18th Century*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1993 (in Russian)].

Abu-l Fazl Allami. *Ā'in-i Akbarī*. Vol. I. Ed. by H. Blochmann. Calcutta: Baptist Mission Press, 1872 (Reprint: Institute for the History of Arabic-Islamic Science, Johann Wolfgang Goethe Institute, Frankfurt am Main, 1993).

Abu-l Fazl Allami. *Ā'in-i Akbarī*. Vol. I. Tr. H. Blochmann. Delhi: Munshiram Manoharlal, 1977 (reprint).

Anderson B. *Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour*. London and New York: Zed Books, 2000.

Bernier F. *Travels in the Mughal Empire*. Tr. by A. Constable. 2nd ed. by V.A. Smith. L.–NY: Henry Milford, Oxford University Press, 1916.

Blake S. The Patrimonial-Bureaucratic Empire of the Mughals. *The State in India 1000–1700*. Ed. H. Kulke. Delhi: Oxford University Press, 1997.

Campbell G. Slave Trades and the Indian Ocean World. *India in Africa, Africa in India: Indian Ocean Cosmopolitanisms*. Ed. J. Hawley. Bloomington: Indiana University Press, 2008.

- Cox R. *The Servant Problem: Domestic Employment in a Global Economy*. London–New York: I. B. Taurus, 2006.
- Du Jarric P. *Akbar and the Jesuits*. Tr. C. H. Payne. New York and London: Harper Brothers, 1926.
- Eaton R.M. Introduction. *Slavery and South Asian History*. Ed. R.M. Eaton and I. Chatterjee. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2006.
- Fauve-Chamoux A. Introduction. *Domestic Service and the Formation of European Identity. Understanding the Globalization of Domestic Work, 16th–21st Centuries*. Ed. A. Fauve-Chamoux. Bern, etc.: Peter Lang, 2004. Pp. 1–11.
- Flores J. *The Mughal Padshah: A Jesuit Treatise on Emperor Jahangir's Court and Household*. Leiden: Brill, 2015.
- Hartman M.S. *The Household and the Making of History: A Subversive View of the Western Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Krieger-Krynicky A. *Captive Princess: Zebunissa, Daughter of Emperor Aurangzeb*. Karachi: Oxford University Press, 2005.
- Lal R. *Domesticity and Power in the Early Mughal World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Lal R. *Empress: The Astonishing Reign of Nur Jahan*. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2018.
- Lee J. Who Is the True *Halalkhor*? Genealogy and Ethics in Dalit Muslim Oral Traditions. *Contributions to Indian Sociology*. Vol. 52. No. 1, 2018. Pp. 1–27.
- Manucci N. *Storia do Mogor or Mogul India, 1656–1712*. Tr. by W. Irwine. Vol. I – IV. London: Murray, 1907–1908.
- Meerkerk van Nederveen E., Neunsinger S. and Hoerder D. Domestic Workers of the World: Histories of Domestic Work as Global Labor History. *Towards a Global History of Domestic and Caregiving Workers*. Leiden: Brill, 2015. Pp. 1–24.
- [Monserrate A.] *The Commentary of Father Monserrate S.J. On His Journey to the Court of Akbar*. Tr. by J.S. Hoyland. L.: Humphrey Milford, 1922.
- Moosvi Sh. *The Economy of the Mughal Empire c. 1595. A Statistical Study*. Delhi: Oxford University Press, 1987.
- Moosvi Sh. Domestic Service in Pre-Colonial India: Bondage, Caste and Market. *Proceedings of the Indian History Congress*. Vol. 64. Delhi: Indian Council of Historical Research, 2003. Pp. 560–582.
- Mukhia H. *The Mughals of India*. Malden MA–Oxford: Blackwell Publishing, 2004.
- Parreñas R. S. *Servants of Globalization. Migration and Domestic Work. 2nd Edition*. Stanford: Stanford University Press, 2015.
- Ray R., Qayum S. *Cultures of Servitude. Modernity, Domesticity, and Class in India*. Stanford: Stanford University Press, 2009.
- Shadab Bano. Eunuchs in Mughal Household and Court. *Proceedings of the Indian History Congress*. Vol. 69. Delhi: Indian Council of Historical Research, 2008. Pp. 417–427.
- Shah Nawaz Khan. *The Maāthir-ul-umarā, Being Biographies of Muḥammadan and Hindu Officers of the Timurid Sovereigns of India From 1500 to About 1780 AD*. Tr. H. Beveridge. Vol. I. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1941.
- Shivram B. *Kinship Structures and Foster Relations in Islamic Society. Milk Kinship Allegiance in the Mughal World*. Shimla: Indian Institute of Advanced Studies, 2014.
- The Tuzuk-i Jahangiri, or Memoirs of Jahāngīr*. Tr. A. Rogers. Ed. H. Beveridge. L.: Royal Asiatic Society, 1909.
- Three Memoirs of Humayun*. Tr. W. M. Thackston. Vol. II. Costa Mesa, California: Mazda Publishers, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАНИНА Евгения Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, Москва, Россия.

Eugenia Yu. VANINA, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.